

DOI: 10.20913/2224-1841-2026-2-1

Слово редактора

Черных С. И. О реперных точках российской модели образования

Дорогие читатели! Перед Вами второй номер журнала за 2026 год. Наступило первое апреля, то есть обозначенный Президентом срок представления Стратегии развития образования до 2036 года. Рассмотрение пилотного проекта через дополнение его рядом ведущих вузов страны говорит об осознании регуляторами уже проявившихся в ходе реформ системных сложностей. Серьезным фактором стала и ревизия международного опыта реформ образовательных систем, идущих практически во всех развитых странах. Российская Стратегия образования, интегрируя собственно российский и интернациональный опыт, вынесенный из участия в Болонском процессе, в целом подтверждает общность целевых с развитыми странами образовательных ориентиров. К ним отнесены: укрепление базовых образовательных компетенций, преодоление образовательных рисков, повышение статуса учителя, модернизация оценки качества, переход к цифровой среде развития региональных образовательных экосистем и кластеров, формирование университетских центров роста в связке с географической и демографической перспективой. Устойчивые социальные системы формируют свою образовательную политику в условиях «закрывающегося мира», во-первых, и обостряющейся конкуренции за качественный человеческий капитал, во-вторых. Такая образовательная политика все меньше допускает инерцию и все больше основывается на необходимости и адаптивности. Это позволяет индивиду выстраивать сквозные образовательные траектории типа: «школа – профессия – обучение на протяжении жизни», соединенные внутри персонализированными «реперными точками». Архитектура некоторых из них будет представлена ниже. Несмотря на то, что сроки утверждения Стратегии сдвинулись, некоторые ее принципиальные моменты уже начинают реализовываться:

- явно расширяются механизмы контроля и унификации, особенно в программах средней школы, что сближает российскую и китайскую национальную образовательную системы;
- растет внимание регуляторов к STEM-образованию и системам СПО как ключевым игрокам взаимодействия субъектов в системе «образование – наука – государство – бизнес»;
- активизируется частное и корпоративное обучение;
- осознается и политически акцентируется процесс «сноуболизации» как переход от модели «открытых дверей» в области образовательной миграции к модели «управляемой интернационализации»;
- рационализируется тезис о «продуктивности и повышении производительности труда в сфере высшего образования».

Некоторые из этих вопросов будут обсуждаться на нашей традиционной ноябрьской конференции, уже четырнадцатой по счету. Информационное письмо о конференции размещено в конце номера.

Черных С. И. «О реперных точках» российской модели образования

Согласно комплексной оценке состояния системы образования Российской Федерации, представленной заместителем министра просвещения И. Шварцман в июле 2025 г. «сейчас мы охватываем 6,39 млн. детей в дошкольном образовании, почти 18 млн. школьников, 3,85 млн. студентов колледжей, 4,43 млн. студентов вузов и 2,5 млн. педагогических работников» [1]. Но это только основные субъекты-участники, формирующие образовательные процессы и образовательное пространство современной России. Неформальное и корпоративное обучение добавляет к этим величинам примерно столько же получающих образование людей. В итоге мы получаем примерное количество прямых и опосредованных участников

образовательного пространства объемом около 40 млн человек. Разновекторность их интересов очевидна. Поэтому государство и рынок труда как основные регуляторы политики в области образования должны жестко коррелировать взаимные интересы, совмещая их в «реперных точках». Образованные кадры – это база для развития экономики и науки. Данный тезис разделяется практически всеми и является смыслообразующим для Стратегии развития образования до 2036 г.

По словам министра труда и социальной защиты Антона Котякова, сегодня в активной занятости находится почти 75 млн работников, но вице-премьер Татьяна Голикова говорит о том, что в пределе до 2032 года в экономику необходимо будет «вливать» еще как минимум 12 млн человек. Экспертные исследования, определяя пути «преодоления падения в кадровую пропасть», указывают на внутренние ресурсы, лимит которых почти исчерпан; миграцию; замену людей роботами и ИИ, что очень дорого для малого и среднего бизнеса. Но главный вывод экспертов неутешителен: «стране не просто не хватает рук – ей катастрофически не хватает компетенций. Квалифицированные кадры в дефиците абсолютно во всех отраслях» [2]. Именно последнее обстоятельство вынуждает систему реализовывать многие программы трансформации обучения в форме «пилотных проектов» с последующей и, к сожалению, не всегда адекватной оценкой последствий. Поэтому не стихают споры о ОГЭ/ЕГЭ, модернизируется «Профессионалитет», расширяется количество вузов в пилотном проекте по переводу на новую систему организации высшего образования и так далее. Но, на наш взгляд, основными «реперными точками» в современной архитектуре образовательного пространства РФ были и остаются точки перехода «школа – вуз» и «вуз – поствуз», которые сегодня (в силу интересов экономики!) резко изменяют векторы соотношенности. Первая реперная точка, ранее считавшаяся классическим переходом и имевшая устойчивую мотивацию, сегодня как бы «распалась» на два этапа. Реальным катализатором первого является развитие СПО. Более 62% выпускников 9-х классов и порядка 12% выпускников 11-х классов поступают не в университеты, а в колледжи. В ряде техникумов конкурс доходит до 18 человек на место... Глава Минпросвещения Сергей Кравцов на съезде Российского союза промышленников и предпринимателей 26 марта 2026 года сообщил, что «сегодня число обучающихся в колледжах достигло уровень популярности среднего образования в РСФСР. Тогда в заведениях среднего образования учились 3,9 млн. человек, сейчас – около 4 млн. человек...» В 2025 году в трех городах России проводился эксперимент и школьников принима-

ли на самые нужные экономические программы по результатам всего двух ОГЭ – по русскому языку и математике. Для перехода в 10-й класс, напомним, необходимо сдать еще два предмета по выбору... В феврале 2026 года Михаил Мишустин объявил, что среднее профессиональное образование будет переименовано в «специальное профессиональное», «что точнее отвечает поставленным задачам и уровню подготовки кадров» [3]. Недавно стало известно, что эксперимент с двумя ОГЭ решили продлить до 2029 года. В марте С. Кравцов сообщил об еще двух новациях: эксперимент по доступности СПО (два экзамена вместо четырех) расширен еще на девять субъектов, то есть с 3 до 12. И вторая: «Если в 2025 демонстрационный экзамен ГИА сдавали около 500 тыс. выпускников СПО, в 2026 году – более 600 тысяч, то с 2027 года демонстрационный экзамен будут сдавать все выпускники СПО, за исключением медицины, правопорядка» [4]. Напомним, что демонстрационный экзамен включен как форма итоговой аттестации в «Закон об образовании», а его основными характеристиками являются практическая направленность как выполнение (решение) конкретной задачи (услуги) в реальных условиях (на предприятии) с независимой оценкой. Итог: паспорт компетенций, имеющий два уровня, базовый и профильный.

Таким образом, тренд очевиден. Если сопоставить массовость ухода будущих абитуриентов в систему СПО и затем их плавный переход в систему высшего образования, то вполне логично предположить два обстоятельства: потерю значительного количества возможных абитуриентов для очного обучения (армия, работа, мотивация «хватит и этого образования», система ДПО, корпоративное обучение и т.д.); необходимость такого алгоритма организации образовательного пространства для (и на базе) конкретного университета, в архитектуре которого были бы предусмотрены все необходимые институциональные элементы системы «образование – наука – производство – бизнес». Спецшколы и спецклассы, производственные площадки, школьная наука и приборное оснащение профильных классов, стартапы (школьные и вузовские) – все это в самом начале пути. Поэтому состав «абитуры» – 2026, и это очевидно, будет отличаться год от года и не факт, что в десятые классы попадут лучшие ученики из девятых. Именно в этом смысле показательны рассуждения Максима Казарновского, директора 15-го Московского международного салона образования, прошедшего 1–2 апреля 2026 года, который говорит о том, что понятие инклюзии сегодня расширяется. «Государство пока размышляет об инклюзии исключительно с точки зрения ограничения или особенностей по здоровью детей и взрослых, но мы видим,

что реальность другая. Инклюзивность касается талантливых детей, детей из других культур, детей участников военных действий и всех, кто кажется «не похожим на остальных» – все они разные, но каждый день собираются в одном классе... Это и есть инклюзия в широком смысле... Дать право быть «не похожим» рядом – очень важная философская идея, которая должна появиться в нашем культурном коде и образовании» [5]. Параллельно с этим несколько парадоксальным тезисом об отнесении талантливости к инклюзиву как «к непохожему» можно сформулировать еще несколько тезисов.

Первый. О «маятнике» программы «Профессионалитет». Сегодня маятник качнулся в сторону инженерных профессий и естественных наук, но понимание того, что технологии, которые строятся только вокруг инфраструктуры экономики (а для человека манипулятивны и вторичны), агрессивны или беспомощны, уже приходит. Рано или поздно будут нужны технологии, ориентированные на человека и соответствующее им (и новому человеку) гуманитарное образование.

Второй. Обучение/образование как алгоритмическая коммуникация, совершаемая в любой ее (даже игровой) форме содержит элементы принуждения. Поэтому никакой ИИ и даже самый симпатичный робот не заменит живого человека: наставника, куратора, тьютора, учителя, ментора в общем ситуационного «ролевика», осуществляющего это принуждение.

Третий. Необходимость синхронизации рынка труда и алгоритмизации образовательного процесса категорически меняет роль семьи как субъекта в архитектуре образовательного пространства. Сегодня планирование того, что называется «глубина погружения в профессию» (М. Казарновский) заканчивается контекстами ОГЭ и ЕГЭ, поступлением в вуз, наконец. Но системная картина рынка труда состоит не в этом. Ее важнейшая часть – оптика этого рынка из будущего. И здесь «продюсерами» могут выступать родители, школа, в какой-то мере профориентационные учреждения, но чаще всего субъективный опыт. Именно поэтому критическое мышление, коммуникационные навыки и способность к адаптации оказываются важнейшими компетенциями XXI века.

Первая «реперная точка» – это точка «выхода» из школы. Она носит сегодня достаточно «размытый» характер и по возрасту, и по компетенциям, и по алгоритмам выхода. Эпоха неопределенности, в которую «выходит» индивид, часто заставляет его заменять «могу» на «хочу», а «хочу» на «не хочу». То есть успех для многих Z перестает быть ценностью. Главным становится совпадение трех «картинок»: образа жизни, качества жизни и работы. При этом самым динамичным элемен-

том является работа, так как ее «поменять» проще всего. Поступление в вуз изменяет картинку «образа жизни», задает новые ориентиры и смыслы картинкам «качества жизни», так как субъективный опыт (отделенность от семьи в первую очередь) часто становится определяющей поведенческой детерминантой.

За этот период происходит «переход» ко второй «реперной точке» – точке сопряжения высшего образования с производством, бизнесом или наукой. Технологическая конкуренция и недостаток квалифицированных кадров требует «разрыва» непрерывности образовательного процесса, вернее его «поворота» в сторону приобретения рабочих профессий, с одной стороны. С другой – та же технологическая конкуренция требует активного развития исследования в интересах бизнеса при поддержке государства с активным участием университетов. Если для решения первой задачи достаточно системы «бизнес + колледж – производство», то для решения второй требуется более сложная архитектура, в которой гораздо больше образовательных институций.

В первом номере журнала «Foresight and STI Governance» за 2026 год НИУ ВШЭ опубликована интересная статья, посвященная новым форматам архитектуры «вуз – поствуз» с целью подготовки кадров высшей квалификации. Описывается модель производственной (индустриальной) аспирантуры. Основа: трехстороннее соглашение. Основные субъекты – университет, индустриальный партнер, аспирант. Механизмы: соиндексирование, двойное руководство, гибкие форматы взаимодействия, практикоориентированность, экономический эффект, внедрение, защита интеллектуальной собственности. Риски: различия в целеполагании, конфликт ожиданий, административная нагрузка, риск утраты академической автономии, отсутствие правовой и организационной базы [6]. «Индустриальная аспирантура нацелена на решение одной из самых острых проблем современной экономики – рассогласование целей академического и корпоративного ее акторов. В Дании она охватывает около 10% аспирантских программ, во Франции – примерно 11%, в Польше – порядка 7%... В 2025 году Министерство науки и высшего образования РФ совместно с государственной корпорацией «Ростех» запустили пилотный проект по практикоориентированной подготовке научных кадров для высокотехнологичных отраслей, нацеленных на решение этих задач...» [6].

Это вторая «реперная точка», которая тоже не имеет четко оформленного алгоритма перспективного развития. Осознание «разрывов» уже имеется, программа их преодоления уже разрабатывается, частичные меры уже внедряются в реальность образования, экономики, науки, бизнеса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ячменникова П. Стратегия о двух концах. Развитие образования нащупывает «смысловую стержень». URL: <https://www.kommersant.ru/rubric/7> (дата обращения: 27.03.2026)
2. Капустин Д. «Резерв исчерпан». Где России взять 12 миллионов новых работников, которые потребуются экономике страны через 6 лет. URL: <https://fontanka.ru/> (дата обращения: 22.02.2026)
3. Солдатенко М. Больше половины уходят после 9-го. Кравцов отчитался о приеме в колледжи URL: <https://fontanka.ru/2026/03/26/7632152> (дата обращения: 27.03.2026)
4. Сергей Кравцов: «В трех регионах Западной Сибири пройдет пилот по развитию малых предприятий в колледжах» URL: <https://open.edu.gov.ru> (дата обращения: 23.03.2026)
5. Широкова А. 4 тренда в образовании – 2026. URL: <https://mel.fm/ucheba/shkola/3706581> (дата обращения: 27.03.2026)
6. Нефедова А., Маринина Е., Антонова Е., Чамех А. Индустриальная аспирантура: международный опыт и возможности адаптации для России // Форсайт. 2026. Т. 20, №1. С. 85–94. URL: <https://doi.org/10.17323/fstig.2026.30107> (дата обращения: 27.03.2026).